

УДК 340

Цебоев Алексей Павлович

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России, полковник юстиции.
Milena.555@mail.ru

Aleksei P. Tseboev

colonel of justice, adjunct.
Department of criminal law and Criminology
Ministry of Internal Affairs Krasnodar university of Russia,
Military Academy
Milena .555@mail.ru

ПРИНУЖДЕНИЕ И НАСИЛИЕ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

FORCES AND VIOLENCE: THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS IN THE SPHERE OF CRIMINAL AND LEGAL RELATIONS

***Аннотация.** В статье рассматривается актуальная с точки зрения теории уголовного права и правоприменительной практики проблема соотношения двух уголовно-правовых понятий: «принуждения» и «насилия», при этом автор делает акцент на признаках принуждения, учитывая, что понятие насилия в научно-правовой литературе исследовано подробно. Отмечается, что законодатель использует понятие принуждения в УК РФ бессистемно, в ряде статей Особенной части УК РФ понятия принуждения и насилия пересекаются без должной ясности. Обосновывается предложение исключить понятие принуждения из Особенной части УК РФ.*

***Ключевые слова:** принуждение, насилие, уголовное право, кодекс, деяние, угроза, воздействие.*

***Abstract.** The article deals with the problem of correlation between two criminal legal concepts: "coercion" and "violence", which is relevant from the point of view of the theory of criminal law and law enforcement practice, while the author emphasizes the signs of coercion, given that the notion of violence in the scientific and legal literature investigated in detail. It is noted that the legislator uses the concept of coercion in the Criminal Code of the Russian Federation unsystematically, in a number of articles of the Special Part of the Criminal Code the concepts of coercion and violence overlap without proper clarity. The proposal to exclude the concept of coercion from the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.*

***Keywords:** coercion, violence, criminal law, code, act, threat, impact.*

В теории уголовного права и правоприменительной практике вызывают определенные сложности вопросы отграничения криминального (уголовно наказуемого) насилия и принуждения, которое входит в объективную сторону ряда преступлений, имеет с насилием сходные признаки, но насилием не явля-

ется. Прежде всего заметим, что принуждение как вид психического и физического воздействия на потерпевшего действующим уголовным законодательством предусмотрено применительно к общественно опасным деяниям, посягающим на различные объекты уголовно-правовой охраны и в различном контексте [1], в частности: «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения» [2] (ч. 1 ст. 120 Глав 16 Раздел У11 – «Преступления против личности» УК РФ); «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации» [2] (ч. 1 ст. 144 Глава 19 Раздел У11 – «Преступления против личности» УК РФ) и др.

Всего в УК РФ предусмотрено 14 составов преступлений, которые включают в себя принуждение. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что «принуждение» является самостоятельным преступным деянием только в 4 случаях (ст. 120, 179, 302 и 309 УК РФ); в 7 случаях принуждение является конститутивным признаком преступного деяния (ст. 147, 149, 184, 240, 283.1, 309, 333 УК РФ); в 3 случаях принуждение определяется как квалифицирующий признак (ст. 141, 142, 185.5), причем, в последнем составе (ст. 185.5 УК РФ), законодатель прямо определяет принуждение как одно из средств совершения преступления, хотя фактически и в двух других составах из этой группы принуждение также является средством совершения преступления.

Для нас важно заметить, что в 8 составах преступлений наряду с категорией «принуждение» фигурирует также категория «насилие». Между ними нет, разумеется, знака равенства, но и различие проходит по разным критериям, что показывает отсутствие системного регулирования указных категорий. Так, законодатель следующим образом соотносит понятия принуждения и насилия: принуждение, совершенное с применением насилия (ст. 120, 149 УК РФ); принуждение под угрозой применения насилия (ст. 179, 185.5 УК РФ); принуждение, сопряженное с насилием (ст. 333 УК РФ); принуждение приравнивается к насилию как конститутивный признак преступления (ст. 141, 142 УК РФ); принуждение приравнивается к угрозе применения насилия как конститутивный признак преступления (ст. 283.1 УК РФ).

Приведенные варианты использования законодателем понятий принуждения и насилия показывает, что принуждение рассматривается как более общее понятие, чем насилие. Далее, «чистое» принуждение, то есть, принуждение без применения насилия, угроз, шантажа, не является уголовно наказуемым деянием. Такой подход представляется противоречащим логике формулирования составов общественно опасных деяний, в которых присутствуют принуждение и насилие. Так, в ч. 1 ст. 119 УК РФ определяется уголовно наказуемое психическое насилие в виде угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, что карается наказанием, если брать в расчет его максимум, лишением свободы на срок до двух лет.

С другой стороны, в ч. 2 ст. 309 УК РФ формулируется состав деяния в виде «принуждения свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществле-

нию неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких» [2], что карается максимальным наказанием на срок до трех лет. Если условно вычесть из этого наказания составляющую в виде угрозы убийством, то за «чистое» принуждение остается максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до одного года.

Однако законодатель ни разу не выделяет чистое принуждение как самостоятельное уголовно наказуемое деяние (это касается и советского законодательства [3, с. 36]). Но одновременно чистое принуждение имеет место как один из конститутивных признаков преступления (например, ст. 283. 1 УК РФ) либо как квалифицирующий признак преступления (например, п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ). Здесь же отметим, что в последнем случае законодатель в один ряд ставит следующие отягчающие основное деяние («Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий») признаки, а именно: а) подкуп; б) обман; в) принуждение; в) применением насилия; г) угрозой применения насилия.

Представляется, что такой подход не отвечает принципу справедливости в дихотомии преступление-наказание, поскольку применение насилия и угроза применения насилия являются уголовно наказуемыми деяниями, в то время, например, как обман сам по себе не является таковым. Как видно, законодатель использует понятие принуждения в Особенной части УК РФ довольно бессистемно.

В этой связи, как представляется, требуется уточнить сущность принуждения. Как отмечает В.Г. Шумихин, «объектом физического и психического принуждения является только человек. Преступное принуждение ограничивает волю человека и его личную свободу. Более опасным посягательством на человека является насилие в форме физического и психического ... и, соответственно, включает в себя в том числе физическое и психическое принуждение. В свою очередь, принуждение включает физическое и психическое насилие, но не отождествляется с последним» [4, с. 420]. Здесь, как представляется, нет ясности в том, что включает в себя как общее и как частное – принуждение включает в себя насилие или насилие включает в себя принуждение. По мнению Е. Гертель, принуждение как криминальное действие представляет собой «подавление воли потерпевшего путем применения насилия, издевательств, пытки, иных незаконных действий, а также угрозы применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества либо с использованием шантажа, в целях вынудить совершить действия в интересах виновного ... Принуждение - более широкое понятие, включающее в себя не только физическое насилие, но и психическое, сущность которых заключается в ограничении волеизъявления другого лица. Понятие насилия уже и содержит только физическое воздействие» [5, с. 17-19]. Подобная точка зрения выражается также С.В. Девятовской, которая, в частности, полагает, что принуждение включают в себя как физическое, так и психическое насилие [6, с. 41]. С таким подходом мы не можем полностью согласиться, и в частности, по поводу того, что понятие насилия охватывается

только физическим насилием. Но главное заключается в том, что, по сути, в приведенном определении принуждение фактически отождествляется с насилием, с чем нельзя согласиться.

Указанные и многие другие примеры определения понятия и сущности принуждения в уголовном праве показывают, что де-факто, определяя принуждение как криминальное деяние, авторы, раскрывая его, по сути, говорят о проявлении физического и психического насилия. Мы полагаем, что это не случайно, и обусловлено, на наш взгляд, тем, что законодатель избрал не совсем удачный термин (в словарях русского языка принуждение и насилие, как правило, взаимообъясняют друг друга), и, главное, не дает ему трактовки. А имеющиеся официальные трактовки, опять же, фактически отождествляют принуждение и насилие. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. применительно к ст. 147 УК РФ указывается: «Нарушение изобретательских или патентных прав путем принуждения к соавторству, предусмотренного статьей 147 УК РФ, может заключаться в оказании воздействия любым способом (в том числе посредством насилия, угроз наступления неблагоприятных для потерпевшего последствий) ... В случаях, когда принуждение к соавторству сопровождается применением насилия, состоящего в совершении деяний, направленных против жизни, здоровья или свободы потерпевшего, ответственность за которые предусмотрена соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 147 УК РФ, и в зависимости от обстоятельств дела и наступивших последствий - по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации» [7]. Как видно, здесь просматривается непосредственная взаимосвязь принуждения и насилия, при этом, такое толкование принуждения, которое в данном конкретном случае относится к изобретательскому и патентному праву, можно считать применимым и к другим сферам уголовно-правовых отношений.

Специфика же принуждения, как справедливо отмечается в литературе, вытекает из следующего суждения: «насилие и угрозы и принуждение - категории во многом сходные и взаимосвязанные. Однако не любое насилие является принуждением. Так, отсутствует принуждение в случае причинения вреда здоровью человека без попытки изменить его поведение или поведение других лиц. Очевидно, что принуждение характеризует специальная цель, заключающаяся в склонении принуждаемого к совершению какого-либо деяния» [8, с. 106]. В этом контексте в литературе предпринимаются попытки привести в некую систему регулирование категории «принуждение». В данной связи представляет интерес суждение И. Зиновьева о том, что ввиду «отсутствия в уголовном законе нормы о наказании принуждения от уголовной ответственности зачастую могут уходить лица, нарушающие гарантированные Конституцией РФ права, определенные в ч. 3 ст. 29, ч. 2 ст. 30, ч. 2 ст. 37 и др. Избегают уголовного наказания и лица, принуждающие к гражданско-правовым сделкам путем насилия или угрозы (при отсутствии признаков преступления). Сделка лишь признается недействительной (ст. 179 ГК РФ). Поэтому целесообразно вклю-

читать в УК РФ статью об ответственности за незаконное принуждение и поместить ее в гл. 17 УК РФ примерно в такой редакции: незаконное принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо деяния путем угрозы применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевшие желают сохранить в тайне, а равно с использованием зависимого положения принуждаемого либо путем угрозы ущемлением прав и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления» [9, с. 39].

Но и здесь И. Зиновьев, как и другие авторы во всех предыдущих попытках дефинировать понятие принуждения в целях уголовного права, вольно или невольно, вероятно, сами того не замечая, идя на поводу у законодательной трактовки данного аспекта, сводят принуждение к признакам насилия, и данный факт говорит о том, что понятию принуждения в том смысле, которому ему пытается придать законодатель, никак не находится своего самостоятельного места в системе уголовно-правового регулирования. К этому нужно добавить, что термин «принуждение» применяется по отношению к государству («государственное принуждение») [10; 11], что некоторым образом лишь запутывает ситуацию.

Учтем еще и замечание Ю.В. Радостевой о том, что до «принятия УК РФ 1996 года принуждение рассматривалось в рамках института крайней необходимости ... виды принуждения (физическое и психическое) отличаются от соответствующих видов насилия лишь более специальной целью воздействия» [12, с. 99]. Этот автор, как и другие исследователи, увязывает также институт принуждения с преодолимым и непреодолимым принуждением, однако, на наш взгляд, этот аспект не имеет принципиального значения для уголовно-правовой оценки принуждения во взаимосвязи с категорией насилия. Мы полагаем, что прошедшие годы действия УК РФ 1996 г. (в январе 2017 г. исполнилось двадцать лет) показали, что введенный в этот уголовный закон институт принуждения (в целях Особенной части УК РФ) не выдержал испытания следственно-судебной практикой, он оказался в слишком близкой конкуренции с институтом насилия, и, на наш взгляд, не выдержал этой конкуренции, в связи с чем, как представляется, этот эксперимент себя исчерпал. С учетом указанных обстоятельств, мы полагаем, что для целей Особенной части УК РФ целесообразно отказаться от понятия «принуждение» как признака объективной стороны общественно опасного деяния ввиду того, что это понятие фактически охватывается понятием насилия как в доктрине уголовного права, так и в нормах Особенной части УК РФ. В этом случае в тех составах деяний, где принуждение обозначается как конститутивный признак, целесообразно изменить формулировку диспозиции соответствующей статьи с указанием целеполагания насильственных действий по следующему примеру:

ч. 1 ст. 120 УК РФ:

- действующая формулировка: «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения»;

- предлагаемая формулировка: «Применение насилия с целью изъятия органов или тканей человека для трансплантации».

Такой подход, на наш взгляд, позволит более четко квалифицировать деяния, содержащие одновременно признаки как принуждения, так и насилия.

Литература:

1. *Грошев А.В., Упоров И.В. Уголовное право России. Общая часть. Краткий учебный курс. Ростов-на-Дону, 2006.*

2. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2017) // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения - 20.07.2017 г.).*

3. *Упоров И.В. Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С. 36.*

4. *Шумихин В.Г. Квалификация преступлений, совершаемых способом насилия // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16 - 17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С.419-427.*

5. *Гертель Е. Разграничение понятий "насилие" и "принуждение" в уголовном праве // Уголовное право. 2010. N 5. С. 17 - 19.*

6. *Девятовская С.В. Физическое или психическое насилие как составляющие принуждения // Юрист-правоведъ. 2016. № 4. С. 40-43.*

7. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 N 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения - 20.09.2017 г.).*

8. *Орешкина Т.Ю., Устинова Т.Д. Принуждение как способ совершения преступления и как уголовно наказуемое деяние // Современное право. 2009. N9. С. 105-108.*

9. *Зиновьев И. Уголовно наказуемое принуждение // Законность. 2007. N 8. С. 37-40.*

10. *Турицын И.В., Упоров И.В. Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации // Право и практика. 2013. № 4. С. 21-28.*

11. *Упоров И.В. Преступное имущественное насилие: понятие, уголовно-правовое регулирование и предупреждение. М., 2015.*

12. *Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.*

Literature:

1. *Groshev A.V., I.V. Emphasis. Criminal law of Russia. General part. Short training course. Rostov-on-Don, 2006.*

2. *The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (an edition of 06.07.2017)//the Legal-reference system "Consultant +" (date of the address - 20.07.2017).*

3. *Uporov I.V. Development of criminal penalty in the first years of the Soviet*

power//Criminal law. 2000. No. 4. Page 36.

4. Shumikhin V.G. *Qualification of the crimes committed by way of violence//the Sixth Perm congress of scientists-lawyers (Perm, on October 16 - 17, 2015): chosen materials / V.V. Akinfiyeva, A.A. Ananyeva, S.I. Afanasyeva, etc.; omg. edition V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. M.: Statute, 2016. Page 419-427.*

5. Gertel E. *Differentiation of the concepts "violence" and "coercion" of criminal law//Criminal law. 2010. N 5. Page 17 - 19.*

6. Devyatovskaya S.V. *Physical or mental abuse as the making coercions//Yurist-pravoved. 2016. No. 4. Page 40-43.*

7. *The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.04.2007 N 14 "About practice of consideration by vessels of criminal cases about violation of author's, allied, inventive and patent rights and also about illegal use of the trademark"//the Legal-reference system "Consultant +" (date of the address - 20.09.2017).*

8. Oreshkina T.Yu., Ustinova T. D. *Coercion as way of commission of crime and as penal act//Modern right. 2009. N9. Page 105-108.*

9. Zinovyev I. *Penal coercion//Legality. 2007. N 8. Page 37-40.*

10. Turitsyn I.V., I.V. *Emphasis of Vida of the state coercion applied by law enforcement agencies and the principles of his realization//Right and the practician. 2013. No. 4. Page 21-28.*

11. Uporov I.V. *Criminal property violence: concept, criminal and legal regulation and prevention. M, 2015.*

12. Radosteva Yu.V. *Criminal and legal concept of violence. Yew. ... edging. ropud. sciences. Yekaterinburg, 2006.*